

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 413 E. 14th St., New York, N. Y.

А. П. Чехов и «скромные реалисты»

Первая литературная известность, с которой познакомился молодой Чехов, был поэт Лиодор Иванович Пальмин.

Придя в гости к Лиодору Ивановичу, Чехов поразился способности Пальмина находить свое жалкое, грошевое существование в некотором роде весьма поэтическим.

Даже Лейкин, рыхлый, сытый, страшно привязанный к своему раз навсегда налаженному быту и всех подозревавший в смертельной зависти к этому налаженному быту, даже он на ходил жизнь Пальмина улиткообразной. В одном неопубликованном письме к Чехову Лейкин писал о Пальмине:

«Какие бы он хорошие вещи мог писать, если бы он не жил той улиткообразной жизнью по захолюстьям, какой он живет! И жизнь улиткообразная, да и ничего не читает, ничем не интересуется... Живет человек на Плющихе, знает две окрестные портярные и даже в хорошие-то трактиры не заходит — вот и все».

Но этой улиткообразной жизнью жил не один Пальмин. Чем более расширялся круг литературных знакомств Чехова, тем яснее мог он убедиться в улиткообразности жизни русского литератора.

Одни, примирившись с этой улиткообразностью, навсегда теряли охоту жаловаться на погубленные мечты, другие вдруг хватились за голову, ужасались, плакали, потом с успокоенным сердцем погружались в свое будничное существование, с каждым разом все больше радуясь своей склонности к лег-

кой истерике и находя все больше гордости в своей приниженности. Они были убеждены, что их прозябанье есть крест, который должны нести не без достоинства.

Билибин служил чиновником в главном управлении почт и телеграфов. Дружеские письма он писал на казенных бланках.

Баранцевич служил в правлении петербургской конно-железной дороги.

Агафопод Единицын — брат Чехова, литератор, еще недавно покровительствовавший Антону, — служил чиновником на таможне, сперва в Таганроге, потом в Новороссийске.

Билибин писал Чехову, что невозможно целый день сидеть на службе, а потом, придя домой, сочинять юмористические рассказы.

Баранцевич называл свою службу адом.

Им казалось, что жизнь принуждает их служить, превращает их, свободных художников, в мелких чиновников. На самом же деле они шли в чиновники потому, что непреодолимо боялись жизни.

Как бы обыкновенно ни складывалась их судьба, им все казалось, что они совсем замучены жизнью.

Нечуткая жена, болезненные дети, неинтересная служба, неудобная квартира, — обо всем этом они говорили, как о чем-то, роковым образом вторгнувшемся в их жизнь и отнимающем у них по частям талант.

В личном архиве Чехова сохранилось много писем литераторов «чеховской плеяды», этих «скромных реалистов»

80-х годов. Здесь письма И. Щеглова, К. Баранцевича, В. Тихонова, А. Лазарева - Грузинского, В. Билибина, И. Потапенко...

В одном отношении этим «скромным реалистам» повезло: не сохранив ничего из написанного ими, литература сохранила их имена. Правда, в качестве нарицательных, и, следовательно, превратив писателей в персонажей.

Письма «скромных реалистов» к Чехову никогда не опубликовывались и почти не изучены. Между тем они дают очень много для верного понимания Чехова.

Начинаешь лучше понимать тот жизненный материал, по которому Чехов исследовал явление «хмурости». И начинаешь лучше понимать, до какой степени натуре Чехова были в самом деле далеки его хмурые, обипанные персонажи.

Письма, которые получал Чехов от «скромных реалистов», были письмами отчаяния.

«Ах, Антуан, Антуан, друг мой, как мне тяжело живется!» — вздыхал Жан Щеглов.

«Жизнь тенетами опутала мои крылья, — трагически сетовал Баранцевич. — Боже мой, что же делать, куда деваться? Искать спасения на дне Дарьяльского ущелья или в во-достоchnой трубе?»

«Туманы, тифы да водосточные трубы — плохая школа для писателей, а если еще к этому прибавить органическую привычку скудения, то совсем выходит г... человек».

«Я один из тех живых мертвецов, которые, странное дело,

в ослеплении самими собою, думают, что они живые»...

«Не проходит дня, в который я не думал бы о самоубийстве».

Свой собственный конец Баранцевич описывал так:

«Желтый, брюхатый, вонючий труп тощие печальные клечи в дырявых понохах поволочут на печальное петербургское кладбище».

Но пока что он благополучно жил на Песках, получал гонорары за повести и жалованье за хождение на службу в правление конки...

И Жан Щеглов благополучно жил у Тучкова моста, писал водевили и, радуясь своему «дачному мужу», мечтал на эту тему — о дачных мужьях — написать целую серию юмористических рассказов...

Хоть частицу своего презрения к обывательской жизни перенесли бы они из дружеской переписки в свои повести, романы и пьесы!

Но удивительная вещь: чем трагичнее были возгласы отчаяния Баранцевичей и Щегловых, тем больше сытости было в их произведениях.

Склонность Баранцевичей и Щегловых к трагическому не имела никакого отношения к их творчеству.

Неталантливые люди способны в искусстве только на личное, но это личное никак не может составить ценности произведения. Талантливые люди избегают в творчестве всего личного и все же это личное входит в их искусство самой важной ценностью.

Не на дне Дарьяльского ущелья, а в водосточной трубе искали они спасения. Искали — и, видимо, находили.

Литературным друзьям Антоши Чехонте казалось, что он — совсем непохожий на замученного жизнью, необыкновен-

но удачливый, счастливый человек. Жан Щеглов называл Чехова «Потемкиным». Щеглову и в голову не приходило, что эта удачливость есть не что иное, как талантливость.

Эта талантливость очень часто заставляла Чехова возмущаться скромностью реализма литераторов, вполне уверенных в том, что эта скромность роднит их с поэзией Чехова.

Лазареву - Грузинскому Чехов однажды написал:

«Читаю Ваши рассказы. Прогресс замечает огромный. Только бросьте Кузю, имя Семена и обывательский тон Ваших героев. Побольше кружев, опояска, сирени, побольше оркестровой музыки, звонких репей... Сиречь, пишите колоритней».

Лазарев - Грузинский, как и полагалось скромному реалисту, понял Чехова нестерпимо плоско. Он решил, что речь идет не о поэзии, не о творческом отношении к материалу действительности, а о списке шикарных предметов.

«Совершенно не думал, — писал он Чехову, — что Вы читаете мои рассказы. Благодарю Вас за очень меткий совет о сирени, кружевах, музыке и т. д. Я и сам уже догадывался, что у меня по этой части совсем неблагополучно и дня за три до Вашего письма сделал легкую экскурсию в область женских плеч, кружев и объятий. Экскурсия вышла не совсем удовлетворительной, но это ничего: первые шаги неизменно робкие и неверные шаги. Теперь, заручившись Вашим указанием, я уже совершу в данную область не легкую экскурсию, а башнибузукский набег и при случае опишу роскошную блудницу («бриллианты, цветы, кружева, доводящие ум до восторга»), перед которой роскошные блудницы Мачтета по-

кажутся простыми горничными, а сам Григорий Мачтет, буде увидит только кончик подвязки моей блудницы, лопнет от зависти, к величайшему прискорбию «Русской мысли» и «Русских ведомостей»...

Итак — все дело в предмете, описаний. Какое портновское отношение к материалу!

Когда же литературные друзья Чехова поняли природу его удачливости, тогда в отношении их к Чехову вкрались грустные ноты.

Друзья словно прощались с Чеховым и на прощанье опра-дывались.

Они вспоминали дни, когда вместе работали в разных журнальчиках, работали еще как равные, имея право на одинаковую веру в свое будущее...

Мысль о судьбе была последним утешением.

Однажды Билибин написал Чехову:

«Нам надо объясниться».

Во многих письмах Вы нападаете на меня за то, что я пишу не то, что следует, и не так, как следует. Тут, очевидно, недоразумение. Чего Вы от меня хотите и чего ожидаете? Не всем быть художниками слова.

...Я смотрю на литературное ремесло как на хлеб. Не скрываю от себя, что через несколько лет мое душевное настроение под влиянием непрестанной срочной работы станет весьма критическим. Но что делать? Такова судьба...».

Это письмо Билибин написал на служебном бланке со штампом «Справка».

То была справка о многих литературных друзьях Чехова.

В своем письме Билибин написал такую фразу:

«У всякого есть мечты».

Написав эту строку, Билибин потом зачеркнул ее — не гус-

то, так, чтобы ее все же можно было прочесть.

Очевидно, Билибин уже не вполне был уверен в том, есть ли у него свои мечты.

В одном не дошедшем до нас письме Чехов написал А. Сергеевке — литератору, тоже входившему в «чеховскую плеяду», что «завидует его мещанскому счастью».

Чехов был очень вежливый человек.

Может быть эта же самая вежливость заставила Чехова написать известные строки о том, что будущий историк литературы назовет литературу 80-х годов не именами одного-двух крупнейших писателей, а литературой целой плеяды, литературой в которой Чехов занимает одно из мест наравне со Щегловым, Альбовым, Баранцевичем, Потапенко...

Очень хорошо ответил Чехову В. Тихонов.

Глубоко знаменательны эти неизвестные строки письма Тихонова:

«Нет, Антон Павлович, Вы в эту артель не годитесь. «В одну телегу впрячь не можно коня и сонных черепах». Не толь-

ко в качестве равноспособного члена, но даже и вожака или старосты этой артели зачислить Вас нельзя, потому что на основании артельных начал старосты избираются непременно из среды этой же самой артели. Так вот и в каторжных артелях (которые Вы на пути узрите) староста избирается из каторжников же, и свободного, вольного человека никто на подобный пост назначить не имеет права, даже и сам себя он назначить не может. А между нами Вы — единственный вольный и свободный человек и душой, и умом, и телом, — вольный казак. А мы все «в рутине скованы, не вырвемся из ига... Да и не в одной рутине, а во многом другом, еще более ничтожном».

У этого забытого беллетриста хватило чутья, чтобы и тогда, в 80-е годы, уловить одну очень важную черту, отделявшую Чехова от плеяды.

Этой чертой была духовная свобода.

Она была неотрывна от чеховского таланта.

А. Роскин.

(«Лит. Газ.»).